

Китайская философия в опыте реформ

Лев КРИШТАПОВИЧ,
доктор философских
наук, профессор

Все говорят о мировом кризисе. Но стоит посмотреть на сущность мировых процессов, а не ограничиться поверхностным восприятием действительности, и сразу замечаешь нюансы. Да, кризис есть – в США, Европейском союзе, России, Украине. Но это не мировой кризис. Мировым он стал бы при условии, что и Китай оказался бы охвачен негативными тенденциями. Однако этого как раз и нет. А поскольку Китайская Народная Республика – это мировая держава и всемирная нация, то и говорить о мировом кризисе некорректно.

Наше заблуждение заключается в том, что на мировое развитие мы все еще продолжаем смотреть через призму происходящего в США или европейских странах, не понимая, что такой взгляд относится уже к прошлому, а не к настоящему и, тем более, не к будущему. Ибо ничего позитивного в плане мирового прогресса в США и Европе нет.

Надо ясно сознавать, что на основе западного принципа производства и потребления прогресса уже быть не может. Что и доказывает Китай своим развитием. Именно в 2009 году, когда все только и lamentировали о кризисе, валовой внутренний

продукт КНР возрос на 8,7 % по сравнению с докризисным 2008 годом, по объемам продаж автомобилей на внутреннем рынке Поднебесная обогнала США, а по экспорту страна вышла на первое место в мире. Феноменальное развитие КНР подтверждает ту бесспорную философско-историческую истину, что будущее человечества принадлежит многополярному миру.

НА ОСНОВЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

О китайском опыте реформ говорится много. Но во всех этих разговорах нет главного – понимания того, почему рыночные реформы в Китае увеличивают благосостояние народа, усиливают мощь государства и национального духа, а вроде бы аналогичные реформы, например в России, ведут к обнищанию народа, разрушению государства и деградации национальной культуры. Очевидно, что под прикрытием формально одинаковых экономических преобразований в этих странах протекают совершенно противоположные процессы. Под предлогом перехода от плановой экономики к рыночной российскому обществу навязывается политика перехода от национальной системы ценностей к западным стандартам жизни. При этом забывается, что экономические реформы и западные стандарты жизни населения – это не одно и то же. В Китае же, наоборот, проведение экономических реформ нисколько не означает замены национальных ценностей ценностями западного образца жизни. Отсюда и принципиально различные последствия в Китае и в России при проведении, казалось бы, одних и тех же преобразований. И дело здесь не только в чисто политическом отличии китайской действительности от действительности российской. Проблема гораздо глубже.

Известный русофоб и антикоммунист, которого с полным правом можно назвать и синофобом, Збигнев Бжезинский выстраивал следующую антикитайскую про-

ОБ АВТОРЕ

КРИШТАПОВИЧ Лев Евстафьевич.

Родился в 1949 году в д. Пекалин Смолевичского района Минской области. В 1976 году окончил исторический факультет БГУ.

С 2008 года – заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь.

Доктор философских наук (1998), профессор (2005).

Автор около 200 научных публикаций, в том числе 3 монографий.

Сфера научных интересов: социально-политические процессы в современном мире, вопросы национально-государственного развития Беларуси.

грамму: «Необходимость демократизации будет все в большей степени преследовать Китай. Просто невозможно слишком долго избегать этого процесса и связанного с ним вопроса прав человека. В какой-то момент политическая и социальная оппозиция в Китае, скорее всего, присоединится к силам, требующим расширения демократии, свободы самовыражения и соблюдения прав человека. Этого не произошло в 1989 году на площади Тяньаньмэнь, но вполне может случиться в следующий раз. Таким образом, едва ли Китаю удастся избежать этапа политической нестабильности. Принимая во внимание размеры страны, реальную возможность разрастания региональных противоречий и наследство в виде почти 50 лет догматической диктатуры, эта фаза могла бы стать разрушительной с точки зрения как политики, так и экономики» [1, с. 193–195].

З. Бжезинский рассуждает так: если Западу под камуфляжем демократии и прав человека удалось развязать разрушительные процессы в России, то это возможно осуществить и в отношении Китая. Ошибочность такого умозаключения состоит в экстраполяции западной схемы разрушения других государств на такую страну, к которой эта схема не может быть применена.

В Китае нереально воплотить западный сценарий «демократии и прав человека». Хотя бы по той причине, что здесь невозможно, несмотря на все попытки западных спецслужб, разыграть национальную карту. 92 % населения страны составляют китайцы, а поэтому осуществлять политику разрушения там просто бессмысленно. Но самое главное – в Китае давно уже сложилась самобытная и устойчивая система ценностей. А потому проблема выбора пути развития здесь решается не в русле примитивной идеологической конструкции «демократия – диктатура», а в плане определения, с какой системой ценностей связано развитие человечества в XXI веке: западной или китайской.

Сравним китайскую систему ценностей и западную. В китайской системе ценностей первые места занимают совесть, преданность, сыновняя почтительность, гуманность, интеллект, трудолюбие, приверженность к середине. Далее по убыванию идут: прагматизм, утилитаризм, индивидуализм, повиновение, завистливость, лживость. Ки-

Нынешний лидер Китая Ху Цзиньтао и предыдущий руководитель КНР Цзян Цзэминь во время торжественного 30-й годовщины начала проведения политики экономических реформ и открытости

тайская система ценностей своими корнями уходит в глубокую древность. Теоретически она была оформлена Конфуцием и практически без изменений функционирует в современном китайском обществе.

Для западной системы ценностей зачастую характерно обратное построение. Не случайно выдающийся американский психолог Э. Шостром писал, что стиль жизни западного человека (манипулятора) базируется на четырех китах: «ложь, неосознанность, контроль и цинизм» [2, с. 34]. И еще: «Американский образ жизни и ныне действующая мораль предлагают быть настойчивыми и агрессивными и убирать конкурентов со своего пути» [2, с. 128].

Проблема именно в иерархии ценностей. Дело не в том, что для китайцев не существует понятий завистливости и прагматизма, а в том, что эти понятия в китайской системе

ценностей занимают последние места и в этом смысле являются понятиями отрицательными, антигуманными. В западной же системе ценностей понятия честности и совести относятся к мечтательным, утопическим, которые не пользуются кредитом доверия у потребителя. Таким образом, США предстают как классический образец фарисейского общества. Китай же – классический образец добродетельного общества.

Будущее потому и принадлежит китайской системе ценностей, поскольку она гуманна, направлена на развитие лучших человеческих качеств. Конфуций говорил: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, то хотя он и будет избегать их, но у него не будет чувства стыда; если же руководить им посредством добродетели и

поддерживать в нем порядок при помощи церемоний, то у него будет чувство стыда, и он будет исправляться» [3, с. 45].

Различие между Китаем и Западом еще рельефнее выступает при сравнении китайской цивилизации и цивилизации западной. Олицетворением китайской цивилизации является Конфуций, который говорил: «Благородный человек знает долг, а низкий человек знает выгоду» [3, с. 132]. Олицетворение западной цивилизации – шекспировский ростовщик Шейлок, для которого не существует разницы между фунтом мяса и человеческим сердцем. Постолюк и фунт мяса, и человеческое сердце имеют одинаковый вес, постолук сердца человека такой же товар, как и фунт мяса на рынке, – вот социально-философское кредо Запада.

ГНОСЕОЛОГИЯ НАЦИИ

Для многих исследований китайского опыта реформ характерен большой разброс оценок. В одних говорится о том, что экономические преобразования объективно потребуют политической трансформации и это неизбежно приведет к труднопредсказуемым явлениям и процессам и даже к возможным потрясениям общества и страны. В других исследованиях акцентируется внимание на недосказанности, неясности китайской модели развития: аналитики усматривают в терминологической неопределенности отражение непоследовательности экономических реформ [4, с. 84]. Следует отметить, что большая разногласия в оценке китайских реформ и перспектив их дальнейшего развития порождена не только масштабностью данного китайского феномена, но и тем, что эти оценки базируются на амбивалентной гносеологии западного миропонимания. Отсюда непонимание того, что в КНР реформы однозначно рассматриваются как стратегия развития государства и общества именно в русле социализма с китайской спецификой.

Крестьяне провинции Хэнань сжигают документы помещиков на владение земель после проведения земельной реформы. 1951 год

Поэтому вопросы попадают те исследователи, которые пытаются выглядеть «проницательными» и иронизировать по поводу социализма с китайской спецификой, рассматривая данную политическую формулу в качестве «пропагандистского образа идеологически непорочной правящей партии» [4, с. 82]. Абсолютно неправомерно разводить социализм и либеральные реформы по разные стороны исторического развития КНР.

Гносеологическая ошибка этих исследователей заключается в том, что на социализм и рыночные реформы в Китае они смотрят сквозь призму либо неверно интерпретированного опыта СССР, либо заимствованных представлений западной пропаганды о незападном мире. Тем самым вольно или невольно эта группа исследователей становится на фарисейскую и антиисторическую точку зрения, рассматривая, например, западную форму демократии в качестве мирового образца или оценивая развал СССР как некий объективный процесс, порожденный якобы неэффективной плановой экономикой. Принимая лицемерную и антиисторическую риторику западных идеологов о демократии, рынке, развале СССР за чистую монету и подозревая китайцев в какой-то «хитрости», эти исследователи остаются в плену сугубо прозападного гносеологического подхода к Китаю.

Другая группа исследователей, не отрицая искренней приверженности КНР к социалистическому выбору, тем не менее, трактует китайские реформы в формально-ученическом плане, пытаясь увидеть в них либо повторение ленинского плана НЭП, либо некое другое издание традиционной марксистской схемы. «Как бы то ни было, тенденции рождения в континентальном Китае строя цивилизованных кооператоров, о котором много лет тому назад писал Ленин, несомненны. Предложенная им модель экономического развития в общих чертах совпадает с экономической моделью современного коммунистического Китая, где земля и крупная промышленность остаются в собственности государства, а индивидуальные крестьянские хозяйства, так или иначе, кооперируются, при сохранении своей хозяйственной самостоятельности» [5, с. 38]. Это тоже ошибочная точка зрения на китайские реформы, которая схоласти-

чески ограничивается воспроизведением резолюций съездов КПК.

В чем выражается сущность китайских реформ? Если посмотреть на них с гносеологической точки зрения, то важно понять, что все рыночные реформы в Китае являются именно китайскими реформами. Проблема заключается в том, что не Китай приспосабливается к механизмам и институтам мирового рынка и мировой торговли, а механизмы и институты мирового рынка и мировой торговли адаптируются к китайской действительности: «Невольно приходит в голову мысль, что не Китай будет адаптироваться к требованиям ВТО, а наоборот, и, в конце концов, последняя превратится в орган, способствующий заключению картельных соглашений в форме «добровольных» самоограничений, квот и т.п.» [6, с. 122].

Китайские реформаторы, бесспорно, изучали западные идеи и принципы, но не с точки зрения замены национальной системы ценностей на западные представления и взгляды и не с целью сделать из Китая некое подобие США, а с позиции укрепления национально-государственных интересов страны на международной арене: «Стоит также признать малую вероятность широкого восприятия современным Китаем западных доктрин, хотя отдельные части теории – свободы торговли, социальной стратификации и некоторые другие – имеют перспективу утвердиться в тактическом арсенале Пекина. Обращу внимание и на весьма спокойное, если не сказать ироничное отношение КНР к попыткам ее классифицировать, как и к своему «имиджу» за рубежом» [7, с. 70].

Зато этого нельзя сказать о реформах в России, которые ставят своей целью привязать страну к Западу, сменить ментальные характеристики российского народа. В этом смысле реформы в нашей стране-соседке являются не российскими, а анти-российскими, поскольку они ведут к денационализации всей системы ценностей российского народа, то есть фактически к

Самый мощный в Азии суперкомпьютер «Магический куб» работает в Шанхайском центре сверхвычислений

его исчезновению. Вот как характеризует данную ситуацию известный аналитик А. Анисимов: «В России, как и в большинстве других новых рыночных стран, создание либеральной экономики – самоцель. В Китае дело обстоит иначе. В рынке как таковом – разумеется, в регулируемом варианте – в КНР видят всего лишь инструмент для создания к 2010 году (в том числе путем регулируемого тарифными и нетарифными способами) присутствия иностранных конкурентов на рынке экономики. Больше ничего» [6, с. 123].

В этом гносеологическое различие между рыночными реформами в Китае и формально аналогичными реформами в России. Различие в том, что рыночные реформы в Китае проводятся по китайскому плану и на зарубежные инвестиции, а поэтому они увеличивают благосостояние китайского народа: «Китай добился самых высоких за всю историю человечества темпов поступательного экономического роста: за последнее десятилетие реальные темпы роста доходов на душу населения составляли в среднем 8 % в год. В прибрежных районах наблюдается самый быстрый рост: в период с 1978 по 1998 год доходы на душу населения росли невероятными темпами, увеличивались на 11 % в год» [8, с. 62]. И даже в условиях мирового экономического и финансового кризиса Китай не снижает темпов своего развития.

Рыночные же реформы в России проводятся по западному плану и за счет российского народа, а поэтому они лишь увеличивают благосостояние олигархов. Именно бездумный и бездарный перенос западных экономических и финансовых институтов на российскую почву привел к самым негативным последствиям для страны и нации. Как отмечается в докладе Программы развития ООН за 2003 год, «Российская Федерация претерпела значительные изменения со времени перехода ее к рыночным отношениям». Эти изменения выражаются «в росте нищеты и беспрецедентного неравенства внутри регионов и между ними», что «негативно сказалось на показателях развития человеческого потенциала, сравнимых с показателями Габона и Никарагуа» [8, с. 63].

Китайские реформаторы не останавливались лишь на западных идеях, а

продолжали изучение китайского опыта в каждый конкретный период развития своей страны. В своих реформах китайцы придерживались мудрого правила Конфуция: «Исключительное занятие чуждыми идеями может только принести вред» [3, с. 63]. В этом и заключается гносеологический успех китайских реформ в отличие от реформ в России и других постсоветских республиках.

Феномен китайского экономического чуда лежит в плоскости адаптации чужих ценностей к национальным ценностям, а не наоборот. Ибо только в этом случае страна способна адекватно реагировать на вызовы времени, достойно вписываться в мировую цивилизацию. Китаю нечего скрывать в своих реформах по причине гносеологической открытости китайской нации. Как говорил Конфуций, китаец «прежде осуществляет задуманное, а потом уже говорит об этом» [3, с. 60]. В чем успех китайских либеральных реформ? В том, что они проводятся на основе открытой гносеологии китайской нации,

а не закамуфлированной гносеологии западного общества. Китайцы меньше говорят о своих реформах, а проводят реформы. Меньше говорят о социализме, а осуществляют социализм на практике. Это трудно усвоить человеку, воспитанному на

принципах религиозного фарисейства, когда не верующие ни во что, кроме золотого тельца, политики стоят со свечками в храмах. Это трудно понять всем прозападно мыслящим прагматикам, которые приучены обещать, но не выполнять, говорить одно, а осуществлять другое. «В определенном смысле можно сказать, что КНР – более рыночная страна, чем многие развитые государства. Такое заключение следует, в частности, и из того, что национальная валюта в Китае не оторвана от реальной экономики, и потому, в отличие от деформированных спекуляциями валют мировых лидеров, может выполнять присущие полноценным деньгам

На сегодняшний день золотовалютные резервы Китая составляют 3 трлн. долларов

функции в национальном хозяйстве. При этом жэньминьби остаются одной из самых устойчивых мировых валют с высокими шансами на ревальвацию» [7, с. 75]. Увеличение валютных резервов КНР происходит в очень высоком темпе, на сегодняшний день они составляют уже 3 трлн. долларов. По валютным запасам Китай находится на первом месте в мире.

Правы те ученые, которые отмечают, «что бурное поступательное развитие Поднебесной революционизирует мировую экономическую ситуацию и создает мощный потенциал интеграции народных хозяйств РФ и КНР, тогда как формирование глобальной системы с экономическим полюсом в США (и даже в США – Западной Европе) становится невозможным. Это кардинальное обстоятельство недостаточно учитывается при определении перспективного вектора отечественного развития. У нас собираются интегрироваться, главным образом, в западном направлении, в то время как долгосрочная экономическая стратегия (с учетом того, что происходит в Китае) логически создает потенциал интеграции на Востоке» [6, с. 125].

ИСКУССТВО ГУМАНИЗМА

Современный мировой прогресс во многом обеспечивается за счет экономического, социального, научного и культурного развития КНР. Западная цивилизация дошла до предела в своем историческом движении. Экономический и финансовый кризис доказал это наглядно. Всемирный характер социального прогресса Китая обусловлен не только правильно сформулированной стратегией экономических реформ, но и ментальными характеристиками китайской нации как солидарной нации. Причем это касается не только жителей материкового Китая, но и зарубежных китайцев, так называемых «хуацяо».

Важно понять, что рост могущества Китая в XXI веке ведет за собой радикальное изменение правил «игры в глобализацию», утверждение равноправных отношений на мировом уровне. Китай уже выработал свой политический подход к глобализации, который основывается не на экспансионизме, а на взаимовыгодном сотрудничестве и справедливости. Такова принци-

альная особенность внешнеполитической стратегии КНР.

Величествен вклад Китая в обустройство человеческой цивилизации. Китайцы изобрели бумагу, магнитный компас, ветряное колесо, мельницу, порох, артиллерию, бумажные деньги, астрономические часы. Все эти открытия имеют эпохальное значение. Как тут не привести слова китайского императора Ши Хуанди, жившего в III веке до н.э., о том, что китайцы обладают сверхчеловеческим запасом жизненной силы, что позволяет из поколения в поколение усиливать мощь Китая. Мы, причисляющие себя к европейской христианской цивилизации, почему-то убеждены в оригинальности и превосходстве христианского мировоззрения над нехристианским. Но это большая ошибка.

Во-первых, христианская Библия в части своих философско-нравственных произведений в лучшем случае лишь повторяет то, что сказали китайские мудрецы за много веков до Библии.

Во-вторых, китайский стиль мышления – человекен, а христианский – мифологичен. Конфуций зафиксировал за 5 веков до христианства такую социально-нравственную систему ценностей, которую наше европейское мышление ассоциирует с Христом, но с Христом не как с человеком, а как с воплотившимся Богом. А это принципиальное различие. Одно дело, когда учит мудрый и добродетельный человек, но по-другому выглядит ситуация, когда мудрость и добродетель приписывается божественному существу. Поэтому не случайно нравственные поучения Христа заменены сверхъестественными явлениями, рассчитанными именно на слепую веру, а не на разум человека.

В китайской системе ценностей добро неотделимо от человеческой личности. В христианской системе ценностей добро связано с Богом. Отсюда явная непрактичность христианского мироустройства, отрыв его от реального бытия человека. Взять Нагорную проповедь Христа с ее императивом подставлять левую щеку, если тебя ударили по правой, то есть добром отвечать на зло. В обыденной европейской жизни подобное христианское требование никогда не реализуется, и на зло отвечают не добром, а злом. В европейской системе

Современный Пекин

жизненных координат человек полностью порывает с христианским учением, можно сказать, что он живет антихристианской жизнью. Отсюда противоречивость европейской христианской цивилизации. С одной стороны, европейский образ жизни и действующая практическая мораль учат человека быть агрессивным и убирать конкурентов с дороги. С другой стороны, христианское учение проповедует терпимость, любовь к ближнему. И этот конфликт между теорией и практикой не уменьшается, а все более разрастается.

Иначе решается эта проблема в китайской цивилизации. Когда Конфуция спросили: «Правильно ли отвечать добром на зло?», он ответил: «Как можно отвечать добром? На зло отвечают справедливостью. На добро отвечают добром» [3, с. 532]. Заметьте, насколько такое понимание глубже и истиннее христианского непротивления злу насилием. А главное – китайское понимание человеческой деятельности несколько не противоречит практической жизни, следовательно, не возникает конфликта между теорией, нравственным катехизисом и практикой, житейской моралью. Поэтому в китайской цивилизации отсутствует такой порок европейского общества, как лицемерие, фарисейство. Искренность и открытость – существенные черты китайского общества.

«Быть в состоянии смотреть на других как на самого себя – вот что можно назвать искусством гуманизма» [3, с. 216] – такова философия китайской цивилизации. Эта философия открывает новую главу мировой цивилизации. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М., 1998.
2. Шостром, Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор / Э. Шостром. – Минск, 1992.
3. Конфуций. Беседы и суждения / Конфуций. – СПб., 1999.
4. Федоровский, А. Институциональные преобразования в Китае: предпосылки, особенности, перспективы / А. Федоровский // МЭиМО. – 2003. – № 4.
5. Иванов, Ю.М. Чужой среди своих: (Последние годы жизни Ленина) / Ю.М. Иванов. – М., 2002.
6. Анисимов, А. Экономическое чудо по-китайски / А. Анисимов // МЭиМО. – 2003. – № 6.
7. Салицкий, А. Китайская цивилизация в современном мире / А. Салицкий // МЭиМО. – 2003 – № 8.
8. ПРООН: Доклад о развитии человека за 2003 год. – Минск, 2003.